

Старые товарищи.

Эпиграфъ.

Горячее солца июля ослѣпительно блестя надъ Смолкиной, обливая ея кургузья, яркая избы щедрымъ потокомъ яркихъ лучей. Особенно много солнца было на крыше старостиной избы, недавно перекрытой ново гладко выстроганнымъ тесомъ, желтымъ и пахучимъ. Было воскресенье, и почти все население деревни вышло на улицу, густо росшую травой и усѣянную кочками зашней грязи. Передъ старостиной избой бралась большая группа мужиковъ и бабъ, въ сидѣли на заваливѣ избы, иные прямо на землѣ, другіе стояли, среди нихъ гонясь другъ за другомъ ребятишки, то и дѣло лучшая отъ взрослыхъ сердитые окрики и смѣлки.

Центромъ толпы служилъ высокій человекъ съ большими, опущенными внизъ усами. По его коричневому лицу, покрытому стой сивой щетиной и сѣтью глубокихъ морщинъ, по сѣдымъ ключьямъ волосъ, вышмыся изъ подъ грязной соломенной шапки,—этому человеку можно была дать пятьдесятъ. Онъ смотрѣлъ въ землю, поздри его большого храцеватого носа драгивали, а когда онъ поднималъ голову, осая взглядъ на окна старостиной избы, дны были его глаза большіе, печальные, же мрачные,—они глубоко ввалились въ биты, а густыя брови кидали отъ себя нѣтъ на темные зрачки. Одѣтъ онъ былъ въ коричневый, рваный подрясникъ монашескаго послушника, едва закрывавшій у коленъ и подпоясанный веревкой. За спиной у него была котомка, въ правой кѣ длинная палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, лѣвую онъ держалъ за пазухой. Окружавшіе осматривали его подозрительно, смѣшливо, съ презрѣніемъ и, наконецъ, съ живой радостью, что имъ удалось поймать волка раньше, чѣмъ онъ успѣлъ нанести вредъ ихъ стаду. Онъ проходилъ черезъ деревню и, подойдя къ окну старосты, просилъ напитокъ. Староста далъ ему чаю и заговорилъ съ нимъ. Но прохожій въ началѣ протавъ обыкновенія странниковъ о типа, очень неохотно. Староста спросилъ тогда документъ, а у прохожаго документа не оказалось. И его задержали, рѣшивъ править въ волость. Староста выбралъ въ двоиры ему сотскаго и вотъ теперь въ избѣ у себя напутствовалъ его, оставивъ старосту среди толпы, потѣшавшейся надъ нимъ.

Арестантъ какъ былъ остановленъ у створы вѣтлы, такъ и стоялъ, прислонясь къ створѣ своей сутулой спиной.

Но вотъ на крыльцѣ избы явился староста, подслѣповатый старикъ съ лисьимъ лицомъ и сѣдой, клинообразной бородкой. Онъ степенно опускалъ ноги въ сапогахъ со ступени на ступень и круглый его животикъ солидно колыхался подъ длинной рубахой изъ сарпинки. А изъ за его плеча высовывалось бородатое четырехугольное лицо сотскаго.

— Понялъ, Ефимушка?—спросилъ староста у сотскаго.

— Чего тутъ не понять? Все понялъ. Обвѣзавъ, значить, я смолянской соцкѣй, проводить этого человека къ земскому и—больше никакихъ!—Проговоривъ свою рѣчь раздѣльно и съ комической важностью, сотскій снова подмигнулъ публикѣ.

— А бумага?

— А бумага—она за пазухой у меня живеть.

— Ну то то!—вразумительно сказалъ староста и добавилъ, крѣпко почесавъ себѣ бокъ:

— Съ Богомъ, значить, айдате!

— Пошли! Шагаемъ что-ли, отче?—улыбнулся сотскій арестанту.

— Вы-бы хотѣли подводу дали,—глухо отвѣтилъ тотъ на предложеніе сотскаго. Староста ухмыльнулся.

— Подво-оду? Ишь ты! Вашего брата, проходимца, много тутъ ныряетъ по полямъ, по деревнямъ... лошадей про всѣхъ не хватить. Пошагаешь и пѣхтурой. Такъ-то!

— Ничего, отецъ, идемъ!—ободряюще заговорилъ сотскій.—Ты думаешь далеченамъ? Дай Богъ, два десятка версты! Да, подика, не будетъ. Мы съ тобой, отче, живо докатимъ. А тамъ ты и отдохнешь...

— Въ холодной,—пояснилъ староста...

— Это ничего,—торопливо заявилъ сотскій...—человѣку, который ежели усталъ, и въ тюрьмѣ отдохъ. А потомъ холодная-то она прехладная... Такъ послѣ жаркаго дня—въ ней куда хорошо!

Арестантъ сурово оглянулъ своего конвоира—тотъ улыбался весело и открыто.

— Ну-ка айда, отецъ честной! Прощай, Василь Гаврилычъ! Пошли!

— Съ Господомъ, Ефимушка!.. Смотри въ оба...

— А зри—въ три!—подкинулъ сотскому какой-то молодой парень изъ толпы.

— Н ну! Малый я ребенокъ, али что?

И они пошли, держась близко къ избамъ, чтобы втти по полосѣ тѣни. Человекъ въ рясе шелъ впереди, развѣнченной, но скорой походкой привычнаго къ ходьбѣ существа. Сотскій, со здоровой палкой въ рукѣ, шелъ сзади его.

Ефимушка былъ мужичекъ низенькаго роста, коренастый, сильно сутулый съ широкимъ добрымъ лицомъ въ рамѣ русой свалывшейся въ ключья бороды, начинавшей отъ его подбородка.

всегда почти улыбался чему то, показывая здоровые желтые зубы и такъ наморщивая переносье—точно онъ хотѣлъ чихать. Одѣтъ онъ былъ въ азамъ, заткнувъ его полы за поясъ, чтобъ онѣ не путали ногъ, на голову у него торчалъ темно-зеленый картузъ безъ козырька, спереди онъ былъ натянутъ до бровей и очень напоминалъ собой арестантскую фуражку.

Его спутникъ шелъ, не обращая на него вниманія, какъ-бы совсѣмъ не чувствуя его сзади себя. Шли они по узкой проселочной дорогѣ; она въяномъ вилась въ волнистомъ морѣ ржи, и тѣни путниковъ ползли по золу колосевъ.

На горизонтѣ синѣла грива лѣса, влѣво отъ путниковъ безконечно далеко въ глубь разстилались засѣянные поля, среди нихъ лежало темное пятно деревни, за ней опять поле, тонувшія въ голубоватой мглѣ.

Справа, изъ-за купы ветель, вонзилъ въ синее небо обитый жестью и еще не выкрашенный шпиль колокольни—онъ такъ ярко блестя на солнцѣ, что на него было больно смотреть.

Въ небѣ звенѣли жаворонки, во ржи улыбались васильки и было жарко—почти душно. Изъ подъ ногъ путниковъ взлетала пыль.

Ефимушкѣ стало скучно. Отъ природы большой говорунъ, онъ не могъ по долгу молчать и, отхаркнувшись, вдругъ затянулъ фальцетомъ:

Ге-эхъ-да-и съ чего й-то о-о-о...

Д' и съ чего й-то тоска сердце мое д'ѣсть?

— Не хватаитъ голосу-то, дуй его горой! Нда... а бывало пѣлъ я... Вишенскій учитель скажетъ—ну-ка, Ефимушка, завода! И заьемся мы съ нимъ! Правильный парень былъ онъ...

— Кто онъ?—глухимъ басомъ спросилъ человекъ въ рясе.

— А вишенскій учитель...

— Вишенскій—фамилія?

— Вишенки—это, братъ, село. А то учитель Павль Михалычъ Рубустовъ. Первый сортъ—человѣкъ былъ. Померъ въ третьемъ году...

— Молодой?

— Тридцати годовъ не было...

— Съ чего померъ-то?

— Съ огорченія, надо полагать.

Собесѣдникъ Ефимушки искоса взглянулъ на него и усмѣхнулся...

— Дѣло, видишь-ты, милый человекъ, такое вышло—училъ онъ, училъ годовъ семь къ ряду, ну и началъ кашлять. Кашлялъ, кашлялъ да и затосковалъ... Ну, а съ тоски, извѣстно, началъ пить водку. А отецъ Алексѣй не любилъ его, и какъ залезъ онъ, отецъ отъ Алексѣя въ городъ бумагу и спосылалъ—такъ, молъ и такъ—пѣтъ учитель, дескать это одинъ соблазнъ. А изъ города въ отвѣтъ тоже бумагу прислали и

большушій. Ну, Павль Михалыч видить— дѣло швахъ. Огорчился, дескать, училъ я, училъ... ахъ вы черти! Отправился изъ училища прямо въ больницу да черезъ пять дней и отдалъ душу Богу... Только и всего...

Нѣкоторое время шли молча. Лѣсомъ все приближался къ путникамъ съ каждымъ шагомъ, выростая на ихъ глазахъ и изъ сѣниго становясь зеленымъ.

— Лѣсомъ пойдёмъ?—спросилъ Ефимушкинъ спутникъ.

— Краюшекъ захватимъ, съ полверсты эдакъ. А что? А? Ишь ты! Гусь ты, отецъ честной, погляжу я на тебя!

И Ефимушка засмѣялся, качая головой...

— Ты чего?—Недоумѣвая посмотрѣлъ на него арестантъ.

— Да такъ, ничего. Ахъ ты! Лѣсомъ, говорять, пойдёмъ? Простъ ты, милый чело-вѣкъ, другой бы не спросилъ, который по-умяе ежели. Тотъ бы прямо пришель въ лѣсъ да и того...

— Чего?

— Ничего! Я, братъ, тебя насквозь вижу. Эхъ ты, душа ты моя тонка дудочка! Нѣтъ—ты эту думу—на счетъ лѣсу—брось! Али ты со мной сладись? Да я троихъ такихъ уберу, а на тебя, на одну лѣвую руку выйдутъ... *) Понялъ?

— Понялъ! Дуракъ ты!—кратко и выразительно сказалъ арестантъ.

— Что? Угадалъ я тебя?—торжествовалъ Ефимушка.

— Чучело! Чего ты угадалъ?—криво смѣхнулся арестантъ.

— На счетъ лѣсу... Понимаю я! Дескать, я—это ты то,—какъ придемъ въ лѣсъ, тыпну тамъ его—меня то, аначить, тыпну, да и зальюсь по полямъ, да по лѣсамъ? Такъ-ли?

— Глухой ты...—пожалъ плечами угаданный чело-вѣкъ.—Ну куда я пойду?

— Ну ужъ, куда хочешь,—это твое дѣло...

— Да куда?—Ефимушкинъ спутникъ не то сердился, не то очень ужъ желалъ услышать отъ своего конвоира указаніе, куда именно онъ могъ бы бѣжать отъ него.

— Я-тѣ говорю, куда хочешь!—спокойно заявилъ Ефимушка.

— Некуда мнѣ, братъ, бѣжать, некуда!—тихо сказалъ его спутникъ.

— Ну!—недовѣрчиво произнесъ конвоиръ и даже махнулъ рукой.—Бѣжать всегда есть куда. Земля-то, она велика. Одному чело-вѣку на ней всегда мѣсто будетъ.

— Да тебѣ что? Хочется что-ли, чтобъ я убѣжалъ?—полубопытствовалъ арестантъ, усмѣхаясь.

— Ишь ты! Больно ты хорошъ! Развѣ это порядо-къ? Ты убѣжишь, а замѣсто тебя

кого въ острогъ сажать будутъ? Меня тогда посадятъ... Нѣтъ, я такъ это, для разгово-ру...

— Блаженный ты... а впрочемъ кажется хорошій мужикъ,—сказалъ вздохнувъ Ефимушкинъ спутникъ. Ефимушка не замедлилъ согласиться съ нимъ.

— Это точно, называютъ меня блажен-нымъ нѣкоторые люди... и что хорошій я мужикъ—это тоже вѣрно. Простой я, глав-ная причина. Иные люди норовятъ все съ подходцемъ да съ хитрецей, а мнѣ чего? Я чело-вѣкъ одинъ на свѣтѣ. Хитровать бу-дешь—умрешь и правдой будешь жить—ум-решь. Такъ я все на пряжки больше.

— Это ты хорошо!—равнодушно замѣтилъ спутникъ Ефимушки.

— А какъ-же? Для че я стану кривить ду-шой, коли я одинъ, весь тутъ. Я, братокъ, свободный чело-вѣкъ. Какъ желаю, такъ и живу, по своему закону прохожу жизнь... Н-да... А тебя какъ звать-то?

— Какъ? Ну... хоть Иванъ Ивановъ...

— Такъ! Изъ духовныхъ, что-ли?

— Н-нѣтъ...

— Ну? А я думалъ—изъ духовныхъ...

— Это по одеждѣ-то что-ли?

— Вотъ, вотъ! Совсѣмъ ты вродѣ какъ-бы бѣглый монахъ, а то разстриженный попъ... А вотъ лицо у тебя не подходящее, съ лица ты вродѣ какъ-бы солдатъ... Богъ тебя знаетъ, что ты за чело-вѣкъ?—И Ефи-мушка окинулъ Петра Григорьевича любо-пытнымъ взглядомъ. Тотъ вздохнулъ, по-правилъ шляпу на головѣ, вытеръ потный лобъ и спросилъ сотскаго:

— Табакъ куришь?

— Ахъ ты сдѣлай милость! Конечно, курю! Онъ вытащилъ изъ-за пазухи засаленный кисетъ и, наклонивъ голову, но не остано-вливаясь, сталъ набивать табакъ въ глиняную трубку.

— На-ко, закуривай!—Арестантъ остано-вился и, наклонясь къ зажженной конво-иромъ спичкѣ, втянулъ въ себя щеки. Синій дымокъ поплылъ въ воздухъ.

— Такъ изъ какихъ ты будешь-то? Мѣ-щанинъ что-ли?

— Дворянинъ...—кратко сказалъ арес-тантъ и сплюнулъ въ сторону на колосы хлѣба, уже подернутые золотымъ блескомъ.

— Э-е! Ловко! Какъ-же это ты безъ пас-порта гуляешь?

— А такъ и гуляю.

— Ну-ну! Дѣла! Не свычна, дай, этакая волчья жизнь для твоего дворяства? Э-эхъ ты горюнь!

— Ну ладно ужъ... будетъ болтать-то,—сухо сказалъ горюнь.

Но Ефимушка съ возрастающимъ любо-пытствомъ и участіемъ оглядывалъ безпас-портнаго чело-вѣка и, задумчиво качая го-ловой, размышлялъ:

— А-и! Какъ судьба съ чело-вѣкомъ-то играетъ ежели подумать! Вѣдь оно, пожа-луй, и вѣрно, что ты изъ дворянъ, потомъ осанка у тебя такая великолѣпная. Давно ты живешь въ такомъ образѣ?

Чело-вѣкъ съ великолѣпной осанкой су-мрачно взглянулъ на Ефимушку и отмахнулъ отъ него рукой, какъ отъ назойливой осы.

— Брось, говорю! То ты присталъ, какъ баба?

— А ты не сердисъ—успокоительно про-говорилъ Ефимушка.—Я по чистому сердцу говорю... сердце у мяя доброе очень...

— Ну и твое счастье... А вотъ что замъ у тебя безъ умолку челеть—это мое счастье.

— Ну инѣ ладно! Я коли и помолчу... можно и помолчать, ежели чело-вѣкъ не хо-четъ слушать твоего разговору. А сердланье ты всетаки безъ причины... Али моя вина что тебѣ на бродяжествѣ положеніи приш-лось жить?

Арестантъ остановился, и такъ сжалъ зубы, что его скулы выдались двумя острыми углами, а сдѣлая шестина на нихъ всталъ ершомъ. Онъ смѣялъ Ефимушку съ боку да головы загорѣвшимися злобой и прищу-ренными глазами.

Но раньше, чѣмъ Ефимушка замѣтилъ э-тимику, онъ снова началъ мѣрять зем-лярыжкими шагами.

На лицо болтливаго сотскаго легъ отпа-чатокъ разсѣянной задумчивости. Онъ по-сматривалъ вверхъ, откуда лились трели жа-воронковъ, и подвигивалъ имъ сквозь зубы помахиная палкой въ тактъ своихъ шаговъ.

Подходили къ опушкѣ лѣса. Онъ стоялъ неподвижной и темной стѣной—ни звука ни несло съ изъ него на встрѣчу путникамъ. Солнце уже садилось и его косые лучи окрасили вершины деревьевъ въ пурпуръ и золото. Отъ деревьевъ вѣяло пахучей сыр-остью, сумракъ и сосредоточенное молчаніе, наполнявшіе лѣсъ, рождали жуткое чувство.

Когда лѣсъ стоитъ предъ глазами темной и неподвижной, когда весь онъ погруженъ въ таинственную тишину, и каждое дерево точно жутко прислушивается къ чему-то—тогда кажется, что весь лѣсъ полонъ чѣмъ-то фантастическимъ, живымъ и лишь впе-ремени притаившимся. И ждешь, что въ каждый слѣдующій моментъ вдругъ выйдеть изъ него нѣчто громадное и непонятное че-ловѣческому уму, выйдеть и заговоритъ могучимъ голосомъ о великихъ тайнахъ творчества природы...

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) „Выйти на одну руку“—значить драться съ противникомъ одной рукой, въ то время какъ дру-гая плотно привязана кушакомъ къ туловищу бойца.

Старые товарищи.

Эпизодъ.

Окончаніе. См. № 5-й).

Подъѣвъ къ опушкѣ лѣса, Ефимушка и его спутникъ рѣшили отдохнуть и уѣлись на травѣ около широкаго дубоваго пня. Арестантъ медленно стацилъ съ плечъ котомку и равнодушно спросилъ сотскаго:

— Хлѣба хочешь?

— Дашь, такъ пожую, — отвѣтилъ Ефимушка улыбаясь.

И вотъ они молча стали жевать хлѣбъ, облокотясь о пень. Ефимушка ѣлъ медленно и все вздыхалъ, поглядывая куда-то въ поле влѣво отъ себя, а его спутникъ весь углубился въ процессъ насыщенья, ѣлъ споро и звучно чавкалъ, измѣряя глазами свою кравху хлѣба. Поле темнѣло, хлѣба уже потеряли свой золотистый колоритъ и стали просто желтыми, съ юго-запада на небо вползали лохматые тучки, отъ нихъ на поле падали тѣни, — падали и ползли по колосьямъ къ лѣсу, гдѣ сидѣли двѣ темныя человѣческія фигуры. И отъ деревьевъ тоже ложились на землю тѣни, а отъ тѣней вѣяло на душу грустью.

— Слава Тебѣ, Господи! — возгласилъ Ефимушка, собравъ съ полы азяма крошки хлѣба и слизавъ ихъ съ ладони языкомъ. — Господь напиталъ — никто не видалъ, а кто и видѣлъ, такъ не обидѣлъ! Други! Посидимъ здѣсь часокъ? Успѣемъ въ холодную-то?

Другъ кивнулъ головой.

— Ну вотъ... Мѣсто болно хорошее, памятное мнѣ мѣсто... Вонъ тамъ, влѣво, господъ Тучковыхъ усадьба была...

— Гдѣ? — быстро спросилъ арестантъ, оборачиваясь туда, куда Ефимушка махнулъ рукой...

— А эвона — за тѣмъ мыскомъ. Тутъ все вокругъ ихнее было. Благѣйшіе господа были, но послѣ воли свихнулись... Я тоже ихній былъ, — мы все тутъ бывшіе ихние. Большая семья была... Полковникъ самъ-то — Александръ Никитичъ Тучковъ. Дѣти были: четверо сыновей — куда все теперь подѣвались? Словно вѣтромъ разнесло людей, какъ листья по осени. Одинъ только Иванъ Александровичъ цѣлъ, — вотъ я тебя къ нему и веду; онъ у насъ земскимъ-то... Старый ужъ...

Арестантъ засмѣялся. Смѣялся онъ глухо, какимъ-то особеннымъ внутреннимъ смѣхомъ, — грудь и животъ у него колыхались, но лицо оставалось неподвижнымъ, только сквозь оскаленные зубы вырывались глуше, точно лающіе звуки.

Ефимушка боязливо поежился и, подвинувъ свою палку поближе къ рукѣ, спросилъ у него:

— Чего это ты? Находить на тебя что-ли?.. ась?

— Ничего... это такъ, пройдетъ, — скажешь арестантъ отрывисто, но ласково. — Разскажи мнѣ знай...

— И-да... Такъ вотъ, значитъ, какія дѣла, — были это господа Тучковы, и нѣту ихъ... Которые померли, а которые пропали, такъ ни слуху, ни духу о нихъ и нѣту. Особливо одинъ тутъ былъ... самый меньшой. Викторомъ звали... Витей. Товарищи мы съ нимъ были... Въ ту пору, какъ волю объявили, было намъ съ нимъ лѣтъ по четырнадцати... Экій мальчикъ былъ, помни Господи добромъ его душеньку! Ручей чистый! Такъ вотъ весь день и стремится, такъ это и журчить... Гдѣ-то онъ теперь? Живъ или ужъ нѣтъ?

— Чѣмъ болно хороше былъ? — тихо спросилъ Ефимушку его спутникъ.

— Всѣмъ! — горячо воскликнулъ Ефимушка. — Красотой, разумомъ, добрымъ сердцемъ... Ахъ ты странній человекъ, душа ты моя, сѣла ягода! Посмотрѣлъ-бы ты тогда на насъ двоихъ... ай, ай, ай! Въ какія игры мы играли, какая развеселая жизнь была, — люля малина! Бывало крикнетъ — Ефимка! — Причусь! Идемъ на охоту! Ружье у него было, — отецъ подарилъ въ иманины, — и мнѣ бывало стащить ружье. И закатимся мы это въ лѣса, да дня на два, на три! Придемъ домой — одну проборка, мнѣ порка, глядишь на другую день снова: — Ефимка — по грибы! — Штуды мы съ нимъ погубили — тасячи! Грибовъ этихъ собирали — пуды! Бабочекъ, жуковъ онъ ловилъ, бывало, и въ коробки ихъ, на булавки насаживалъ... Занятно! Грамотѣ меня училъ... Ефимка, говорить, я тебя учить буду. Валайте! Ну и началъ... Говори, говорить — а! Я ору — а-а! Смѣхи! Сначала то мнѣ въ шутку это дѣло было — на што она, грамота-то, крестьянину?.. Ну, онъ меня увѣщеваетъ; „на то, говорить, тебе, дураку, и воля дана, чтобы ты учился... Будешь, говорить, грамотѣ знать, — узнаешь, какъ жить надо и гдѣ правду искать“... Известно, малое дитя перемчиво, наслушався видно у старшихъ эдакихъ рѣчей и самъ началъ тоже говорить... Пустое, конечно, все... Въ сердцѣ она грамота-то, сердце и насчетъ правды укажетъ... Оно — глазастое... Такъ вотъ, учить онъ меня... такъ присосался къ этому дѣлу, —дохнуть мнѣ не дастъ! Маята! Я — молить! Витя, говорю, мнѣ грамота не въ моготу, не могу, говорю, я ее одолѣть... Такъ онъ на меня какъ-акъ рявкнетъ! Папиной ногойкой запорю — учись! Ахъ ты, сдѣлай милость! Учусь... Разъ сбѣжалъ съ урока, прямо вкочилъ да и драла! Такъ онъ меня съ ружьемъ искалъ весь день — застрѣлитъ хотѣлъ. Послѣ говорить мнѣ, — кабы, говорить, встрѣтилъ я тебя въ тотъ день — застрѣлилъ-бы, говорить! Вотъ какой былъ рѣзкій! Непреклонный, огневой — настоящій баринъ... Любилъ онъ меня; пламенная душа... Разъ мнѣ тятка спину возжами расписалъ, а какъ онъ, Витя-то, увидалъ это, пришедши къ намъ въ избу, — батюш-

ки мои — что вышло: поблѣднѣлъ весь, затрясся, сжалъ кулаки и къ тятенькѣ на полати лѣзетъ. Это, говорить, ты какъ смѣлъ? Тятка говорить — я-де отецъ! Ага! Ну хорошо, отецъ, одинъ я съ тобой не слажу, а спина у тебя будетъ такая-же, какъ у Ефимки. Заплакалъ послѣ этихъ словъ и убѣгъ... И что-жъ ты скажешь, отче? Исполнилъ, вѣдь, свое слово. Дворню, видно подговорилъ, что-ли, только однажды тятенька пришелъ домой, кряхтитъ; сталь-было рубашку снимать, ая она присохла къ спишѣ-то у него... Разсердился на меня отецъ въ ту пору — изъ-за тебя, говорить, терплю, барскій ты прихвостень. И здоровяную задалъ мнѣ теребачку... Ну, а насчетъ барскаго прихвоствья это онъ напрасно, — я такимъ не былъ...

— Вѣрно, Ефимъ, не былъ! — утвердительно сказалъ арестантъ и весь вздрогнулъ, — это видно и сейчасъ, не могъ ты быть барскимъ прихвостнемъ, — какъ-то торопливо добавилъ онъ.

— То-то и оно! — воскликнулъ Ефимушка... — Просто я любилъ его, Витю то... Такой это талантннй ребенокъ былъ, все его любили — не одинъ я... Бывало рѣчи онъ говорить разныя... не помню я ихъ, тридцать годовъ слишкомъ прошло съ той поры... Ахъ Господи! Гдѣ-то онъ теперь? Чай, коли живъ, то или высокое мѣсто занимаетъ или... въ самомъ омутѣ кипитъ... Жизнь людская растаковская! Кипитъ ова, кипитъ, а все ничего путнаго не сварится.. А люди пропадаютъ... и жалко людей, да же до смерти жалко! — И Ефимушка, тѣ же до вздохнувъ, поникъ головой на грудь... Съ минуту длилось молчаніе.

— А меня тебѣ жалко? — весело спросилъ арестантъ. Онъ спрашивалъ именно весело, все лицо у него было освѣщено такой хорошей, доброй улыбкой...

— Да вѣдь чудакъ-человѣкъ! — воскликнулъ Ефимушка, — какъ-же тебя не жалеть? Что ты такое, ежели подумать? Колѣно бродишь, такъ, видно, нѣтъ у тебя ничего своего на землѣ-то, ни угла, ни щепки... А можетъ еще и великъ грѣхъ ты вносишь съ собой — кто тебя знаетъ? Горюнь ты — одно слово...

— Такъ, — сказалъ арестантъ...

И они снова замолчали. Солнце уже село, и тѣни стали гуще. Въ воздухѣ пахло влажной землей, цвѣтами и лѣсной плѣсенью... Долго сидѣли молча.

— А какъ тутъ ни хорошо — все-таки надо итти... Намъ еще верстъ восемь стало... Айда-ка, отче, подымайся!

— Посидимъ еще немного, — просилъ отче...

— Да я ничего, я самъ люблю походить около лѣса быть... Только когда-жъ мы придемъ къ земскому-то? Заругаетъ онъ меня — поздно де.

— Ничего, не заругаетъ...

— Развѣ ты словечко замолвишь, — усмѣхнулся сотскій.

— Могу.

— Ой-ли?
— А что?
— Шутникъ ты! Онъ тѣ задасть перцу!
— Дерется развѣ?
— Лютъ! И локоть—ахнетъ кулакомъ въ ухо, а выходитъ все равно, какъ бы косою по ногамъ.

— Ну, мы ему сдачи дадимъ,—увѣренно сказалъ арестантъ, дружески потрепавъ своего конвоира по плечу.

Это было фамиллярно и не понравилось Ефимушкѣ. Какъ ни какъ, а онъ всетаки начальство, и этотъ гусь не долженъ забывать, что у Ефимушки за пазухой есть мѣдная бляха. Ефимушка всталъ на ноги, взявъ въ руку свою палку, вывѣсилъ бляху на самую середину груди и строго сказалъ:

— Вставай, идемъ!

— Не пойду!—сказалъ арестантъ.

Ефимушка смутился и, вытаращивъ глаза, съ полминуты молчалъ, не понимая, съ чего это арестантъ вдругъ сталъ такой шутникъ?

— Ну, не валадайся, идемъ!—уже мягче сказалъ онъ.

— Не пойду!—рѣшительно повторилъ арестантъ.

— То-есть какъ не пойдешь?—закричалъ Ефимушка въ изумленіи и гнѣвѣ.

— Тѣбѣ. Хочу здѣсь ночевать съ тобой... Ну-ка, разжигай костеръ...

— Я-тѣ дамъ ночевать! Я-те такой костеръ на бокахъ у тебя разожгу—любо-дорого!—Грозилъ Ефимушка. Но въ глубинѣ души онъ былъ изумленъ. Говорить человѣкъ—не пойду,—а сопротивленія никакого не оказываетъ, въ драку не лѣзетъ, лежитъ себѣ на землѣ и больше ничего. Какъ тутъ быть?

— Не ори, Ефимъ,—спокойно посоветовалъ арестантъ.

Ефимушка снова замолчалъ и, переминаясь съ ноги на ногу надъ своимъ арестантомъ, смотрѣлъ на него большими глазами. И тотъ на него смотрѣлъ, смотрѣлъ и улыбался. Ефимушка тяжело соображалъ, какъ-же теперь нужно ему поступать?

И съ чего этотъ бродяга, все время такой угрюмый и злой, теперь вдругъ разбаловался такъ? А что, если навалиться на него, скрутить ему руки, дать раза два по шеѣ, да и все? И самымъ строго-начальническимъ тономъ, какой только былъ въ его распорядкѣ, Ефимушка сказалъ:

— Ну, ты, огарокъ, вотъ что,—попочевряжился, и будешь! Вставай! А то я тебя свяжу, такъ тогда пойдешь, небойсь! Понялъ? Ну? Смотри—бить буду!

— Меня-то?—усмѣхнулся арестантъ.

— А ты что думаешь?

— Витю-то Тучкова, ты, Ефимъ Грызовъ, бить будешь?

— Ахъ ты—пострѣлять-те горой!—изумленно воскликнулъ Ефимушка,—да что ты въ самомъ дѣлѣ? Что ты мнѣ представляешь-то представляешь? На-ко-ся!

— Ну, будетъ кричать, Ефимушка, пора тебѣ узнать меня.—спокойно улыбаясь, сме-

залъ арестантъ и всталъ на ноги,—здравствуй, что-ли!

Ефимушка попытался назадъ отъ протянутой къ нему руки и во всеѣ глаза смотрѣлъ въ лицо своего арестанта. Потомъ губы у него затряслись и все лицо сморщилось...

— Викторъ Александровичъ... и впрямъ что-ли вы это?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Хочешь—документы покажу? А то,—все-го лучше,—старину напомяну... Ну-ка—помнишь, какъ ты въ Раменскомъ бору въ волчью яму попалъ? А какъ я за гнѣздомъ полѣзъ на дерево и повисъ на сучкѣ внизъ головой? А какъ мы у старухи-молочницы Петровны сливки крали? И сказки она намъ говорила?

Ефимушка грузно сѣлъ на землю и растерянно засмѣялся.

— Повѣрилъ?—спросилъ его арестантъ и тоже сѣлъ рядомъ съ нимъ, заглядывая ему въ лицо и положивъ на плечо его свою руку. Ефимушка молчалъ. Вокругъ нихъ стало совсѣмъ темно. Въ лѣсу родился смутный шумъ, точно многоголовый шопотъ. Далеко, гдѣ то въ чащѣ, застонала ночная птица. Туча ползла на лѣсъ чуть замѣтнымъ движеніемъ.

— Что-же, Ефимъ,—не радъ встрѣчѣ? Или очень ужъ радъ? Эхъ ты... святая душа! Какъ былъ ты ребенкомъ, такъ и остался... Ефимъ? Да говори что-ли, чудовище милое!

Ефимушка началъ усиленно сморкаться въ полу азяма.

— Ну, братъ! Ай, ай, ай!—укоризненно закачалъ головой арестантъ.—Что это ты? Стыдись! чай тебѣ на пятый десятокъ годы идуть, а ты этакимъ пустяковымъ дѣломъ занимаешься? Брось!—и онъ, обнявъ сотскаго за плечи, легонько потрясъ его. Сотскій засмѣялся дрожащимъ смѣхомъ и, наконецъ, заговорилъ, не глядя на своего соседа.

— Да развѣ я что?.. Тяжело мнѣ... Радъ я... Такъ это вы и есть? Какъ мнѣ въ это повѣрить? Вы, и... такое дѣло! Витя... и въ эдакомъ образѣ! Въ холодаю... Пачпорту нѣтъ... Хлѣбомъ питаетесь... Табаку нѣтъ... Господи! Вѣдь это развѣ порядокъ? Ежели-бы это я былъ... а вы бы хоть сотскій... и то легче! А теперь что-же вышло? Какъ мнѣ смотрѣть въ глаза вамъ? Я всегда про васъ съ радостью помнилъ... Витя,—думаешь бывало... Такъ даже сердце защекочетъ. А теперь—на-ко! Господи... вѣдь это ежели людямъ рассказать—не повѣрятъ... Онъ бормоталъ свои отрывистыя фразы, упорно глядя на свои ноги и все хватался рукой то за грудь, то за горло.

— А ты людямъ про все это и не говори, не надо. И перестань... развѣ тутъ твоя вина? Насчетъ меня не безпокойся... Бумаги у меня есть, я не показалъ ихъ старостѣ, чтобы не узнали меня тутъ... Въ холодную меня братъ Иванъ не посадить, а, напротивъ, поможетъ мнѣ на ноги встать... Останусь я у него, и будемъ мы съ тобой

снова на охоту ходить... Видишь, хорошо все устривается.

Витя говорилъ это ласково, тѣмъ то которымъ взрослые утѣшаютъ огорченнѣтей. Навстрѣчу тучѣ, изъ за лѣса дила луна и края тучи, посеребренные лучами, приняли мягкіе опаловые отблески. Въ хлѣбахъ кричали перепела, гдѣ-то щаль коростель... Мгла ночи становилась все гуще.

— Это дѣйствительно...—тихо въ Ефимушка,—Иванъ Александровичъ рѣшилъ брату порадовать и вы, значить, снова спобобитесь къ жизни. Это все такъ на охоту пойдёмъ... Только все не такъ думалъ, вы какихъ дѣловъ въ жизни лааете! А оно—вонъ что...

Витя Тучковъ засмѣялся.

— Я, братъ Ефимушка, надѣлалъ достаточно... Имѣние, своя часть при на службѣ не ужился, былъ актеромъ, приказчикомъ въ торговлѣ лѣсомъ, самъ держалъ актеровъ... потомъ прогналъ до тла, всѣмъ задолжалъ, вбутался въ исторію... эхъ! Всего было... И—все пропало.

Арестантъ махнулъ рукой и добродушно засмѣялся.

— Я, братъ Ефимушка, теперь уже баринъ... выльчился отъ этого. Теперь съ тобой такъ заживемъ! а? да, ну! охъ!

— Явѣдъ ничего...—заговорилъ Ефимушка подавленнымъ голосомъ,—стыдно только. Говорилъ я вамъ тутъ разное кое... несуразныя слова и вообще... Мнѣ извѣстно дѣло... Такъ, говорите, за что вы тамъ? Я инъ костеръ разложу...

— Ну-ка, дѣйствуй!..

Арестантъ вытанулъ на землѣ и грудью а сотскій исчезъ въ опушкѣ откуда тотчасъ-же раздался трескъ сучьевъ и шорохъ. Скоро Ефимушка появился охапкой хвороста, а черезъ минуту в ленькому холмику изъ мелкихъ сучьевъ весело ползала змѣйка огня.

Старые товарищи задумчиво смотрѣли на нее, сидя другъ противъ друга, и поочередно курия трубку.

— Совсѣмъ какъ тогда,—грустно рилъ Ефимушка.

— Только времена не тѣ,—сказалъ сотскій.

— Н-да, жизнь-то стала круче харомъ... Эвона какъ васъ... обломала!

— Ну, это еще неизвѣстно—она или я ее...—усмѣхнулся Тучковъ.

Помолчали...

— А? Господи Боже! Витя! Вотъ-то праздникомъ!—огорченно восклицалъ Ефимушка.

— Э, полно! Что было—то прошло, философски утѣшалъ его Тучковъ.

Сзади ихъ возвышалась темная стѣна хохотавшаго о чемъ-то лѣса, весело щаль костеръ, вокругъ него безшумно сали тѣни и надъ полемъ лежала грядная тьма.